

РОК

ДЕС

ТВО

СЕЙЧАС САМОЕ ВРЕМЯ

Физдет Кэш

Дорогой Санта,

Понимаю, что уже слишком взрослый, чтобы просить у тебя подарки, но я давно присматриваюсь к чему-то особенному. К чему-то такому близкому, но в то же время недоступному.

Я не прошу многого, но это... это то, что я хотел бы увидеть под своей елкой, когда снежным рождественским утром взойдет солнце. На самом деле, это единственное, о чем я прошу тебя из года в год.

Я был милым, я вел себя хорошо, и если ты проверишь свой список, то увидишь, что это чистая правда. Но хочу, чтобы ты знал: если не сможешь исполнить мое желание на этот раз, я сделаю все сам.

Искренне, Я.

Элизабет Кэш

Рождество

Вне Серии

Переводчик: МонаBurumba

Редактура: МонаBurumba

Русификация обложки: Хексану

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Эта книга содержит сцены, которые некоторые читатели могут посчитать неподходящими. Пожалуйста, читайте с осторожностью.

5 ДНЕЙ ДО РОЖДЕСТВА

Перезвон колокольчиков

В это время года людям полагается радоваться. Ведь наступает время торжества любви, семьи, единения. Время, когда семьи собираются дома, пьют горячее какао и уютно устраиваются у огня. Они смотрят милые праздничные фильмы и украшают свои дорогие дома. Снеговики сидят на лужайках перед домами с угольными улыбками и морковными носами, наблюдая за тем, как дни сменяют ночь, и надеясь, что шарф, украшающий шею, сохранит им жизнь. Сани идеально пристроились на домах, ожидая завтрашнего солнца, чтобы снова стать главным событием дня.

Люди воодушевлены, набивают чулки и опустошают кошельки, только чтобы сказать: «Я всегда забочусь о том, чтобы у моей семьи было все, что они хотят». В то время как в остальное время года они спуются, как мистер Скрудж.

Странно, что один день в году люди могут вести себя максимально цивилизованно, чтобы их семьи несколько часов жили счастливо, а потом все возвращается на круги своя. Фасад счастливой семьи исчезает, и стресс наваливается снова.

Снег может скрыть многое, но ему не под силу засыпать то, что на самом деле находится перед глазами окружающих.

Натянув поплотнее пальто, я подхожу к остановке и сажусь на ту же скамейку, которую посещаю каждый день последнюю неделю. Она стоит на углу Грин-авеню и Паркер-стрит. Ужасная реклама страховой компании на ней заставляет меня содрогаться каждый раз, когда я ее вижу. Думаю, если вы получили травму на работе, то страховое бюро Гейла — это то место, куда нужно обращаться.

Я выдыхаю и смотрю на улицу. Окинув взглядом море сгрудившихся тел, я наконец нахожу лицо, которое ищу: женщину с каштановыми волосами и глазами цвета карамели.

Сегодня ее волосы собраны в беспорядочный пучок, а все выбившиеся пряди обрамляют лицо. Ее сочные губы накрашены розовой помадой, а щеки покраснелись от холода. Она улыбается людям, которые проходят мимо нее, изредка поздравляя кого-нибудь с праздником или Рождеством.

Я думал подойти к ней сегодня, но она выглядит слишком занятой для моей бездумной болтовни. У меня ужасная склонность к бессвязным разговорам, когда волнуюсь, и я точно знаю, что проболтался бы ей о пустяках, которыми стал наслаждаться в своей жизни.

В наше время важны именно мелочи.

Особенно в эти дни, думаю я про себя с горькой усмешкой.

Может быть, в конце концов, я наберусь смелости, подойду к ней и заведу разговор. Но это должно произойти в ближайшее время. Рождество не за горами, и я не хотел бы упустить свой шанс.

После этого она больше не будет радостно стоять на своем углу и звенеть колокольчиком для пожертвований. У меня есть ровно пять дней до того, как мой шанс полностью ускользнет от меня.

Каждый год проходил одинаково с тех пор, как я впервые взглянул на нее два Рождества назад. Я наблюдал за ней, ожидая идеального момента, чтобы подойти. И каждый год я рассыпался как снег и таял, не дойдя до нее нескольких метров.

Независимо от того, сколько раз просил об этом старого доброго толстяка, у меня такое чувство, что в этом году я получу то, что хочу. Я еще не просил; не знаю, попрошу ли вообще, но, по крайней мере, скажу маленькое спасибо Санте за то, что он меня выслушал.

Мне слишком часто говорили, что я уже слишком взрослый, чтобы верить во что-то детское, как Санта-Клаус, но ведь есть люди, которые верят, что человек в облаках даст им все, о чем они молятся, в свое время.

Мы все во что-то верим, я верю в Санту, и ничто этого не изменит, даже если он раз за разом не выполняет мои просьбы.

С тяжелым вздохом я поднимаюсь на ноги и иду обратно домой. Завтра будет новый день, и я знаю, что снова буду бродить здесь, сидеть на том же месте и наблюдать издалека.

Кто знает, может быть, именно завтра я наконец наберусь храбрости и поговорю с ней. По крайней мере, я хотел бы узнать ее имя.

Я улыбаюсь, в моем сердце зарождается смелость.

Завтра.

Завтра.

Снеговик

В районе, где я живу, ежегодно проводится конкурс снеговиков, в котором участвует каждый дом. В каждом квартале по десять домов, то есть всего пятьдесят на район до того, как он превратится в Пайн Коув, а затем в Уотер Бридж.

Каждый год побеждает квартал «Диер Ран Акрес», потому что люди, которые живут в двадцати футах от меня, делают своего Снеговика лучше и лучше.

Как будто у снеговика Фрости завелись дети и он отпустил их на волю, позволив укоренить свои снежные лапы на лужайке каждого. В довершение всего, каждый дом украшен гирляндами и декоративными элементами. Это зимняя страна чудес, куда бы вы ни посмотрели.

Я не могу сказать, что ненавижу это. Меня даже немного радует, когда люди выходят на улицу вместе, а не сидят за компьютерами, растрачивая и гноя свои мозги технологиями.

Пока иду по тротуару, глядя на все дома в моем районе, то задумываюсь, есть ли хотя бы одна семья, которую не развратило общество и токсичное дерьмо, что ежедневно скормливают СМИ.

Остановившись, я заглядываю во двор единственной семьи, которую знаю по имени в этом квартале — Уэстоны. Их Снеговик — мой любимый.

Они позволили своим мальчикам-близнецам сделать все: скатать снег в тело, сделать морковный нос и угольные пуговицы, вплоть до самодельного шарфа и шляпы. Снеговик плохо сложен и выглядит так, будто может опрокинуться от порыва ветра, но он создавался в хорошем настроении, и видно, что время, проведенное всей семьей, принесло много радости.

Я уверен, с каждым новым годом мальчиков Снеговик будет становиться все лучше, пока в конце концов его вообще не останется, и это меня огорчает. Они вырастут в подростков, которые больше не захотят играть в эту игру со своими родителями, потому что им больше нравится проводить время с друзьями или играть в видеоигры.

— Мило, не правда ли? — говорит прохожий, останавливаясь рядом со мной. Я слышу, как когти его собаки стучат по асфальту, и это действует мне на нервы. Я пожимаю плечами, прежде чем хмыкнуть, все еще глядя на дом и не давая этому незнакомцу возможности пообщаться со мной, как он рассчитывал. Думаю, он ждет лучшего ответа, потому что продолжает стоять рядом со мной после того, как я уже выдал свое лучшее выражение лица.

— Наверное, — говорю я не слишком дружелюбно, так как он все еще не двинулся с места.

Я слышу смешок, прежде чем снова раздастся раздражающий звук скребущих по земле лап собаки.

Засунув руки в карманы пальто, я поворачиваюсь и иду домой.

Уверен, мой дом — бельмо на глазу, поскольку на нем нет праздничных огней и Снеговика, но украшать его — не очень-то и хочется, с тех пор как три года назад умерла моя мама. Она приносила столько радости в наш дом своей любовью и вниманием к деталям

в каждой вещи, которую выставляла.

Рождество — все еще мой любимый праздник, но участвовать во всем этом декоре — больше не для меня. У меня есть небольшая елка с несколькими украшениями, которые оставила моя мама, и пара гирлянд, что я купил в «Волмарте» в прошлом году, но это все.

Вытащив ключи, я отпираю входную дверь, прежде чем закрыть и запереть ее за собой. Этот район может быть дружелюбным, но никогда не знаешь, кому можно доверять. Выскользнув из обуви и пальто, я откладываю их в сторону и подхожу к камину.

Мне нужно прогреть помещение, пока я не замерз.

Укладывая дрова в камин, я вспоминаю, как мы с отцом делали это вместе. В тот день, когда он впервые разрешил мне положить сюда дрова, я почувствовал себя мужчиной — большим мальчиком, как сказала моя мама. Мне было восемь лет, и это лучшее, что со мной тогда случилось. Я всем рассказывал об этом в школе, когда после каникул все вернулись. Я смеюсь про себя при этом воспоминании. Забавно, что такие мысли подкрадываются к тебе, когда ты меньше всего этого ожидаешь.

Когда дрова начинают гореть, потрескивая под жаром пламени, я думаю о том, насколько этот год отличается от всех остальных. Может быть, мне стоит попробовать сделать все немного по-другому?

В животе у меня что-то дрожит, нервозность скачет, а потом сменяется спокойствием, которого я давно не чувствовал. Это непривычно, но приятно.

Честно говоря, я не чувствовал себя так с тех пор, как закончил школу, в то время, и мир не казался таким мрачным и серым.

Проходя на кухню, я беру небольшой стакан, затем иду к холодильнику и достаю гоголь-моголь. Поставив все это на стойку, я подхожу к буфету и достаю наполовину пустую бутылку рома.

Постукивая пальцами по столешнице, я напеваю тихую мелодию и потягиваю свой напиток. Мысли о завтрашнем дне и всех возможностях, которые он принесет, кружатся в моей голове, как пчелиный рой, и все они борются за внимание. Я улыбаюсь.

Сегодня вечером я выпью за то, что меня ждет.

4 ДНЯ ДО РОЖДЕСТВА

Украшения

Утром я проснулся в плохом настроении, полностью противоположном тому, что испытывал вчера вечером перед сном. Я думаю, это из-за рома или, возможно, из-за недостатка сна, кто знает. Возможно, причина в сочетании того и другого. Не каждый день я пью, и вот мой организм решил напомнить мне об этом.

Но каким бы дерьмовым ни было мое настроение, я встал, оделся и пришел сегодня в одно из самых оживленных мест в городе. Кроме того, это единственный магазин, открытый в преддверии Рождества.

Огромная толпа людей сталкивается друг с другом, пытаюсь сделать последние покупки. Их тележки настолько полны, насколько это вообще возможно, учитывая, опустошенные полки в магазине. Я не знаю, что хуже: покупатели «черной пятницы» или покупатели, делающие покупки в последнюю минуту. Все они слишком безумны и раздражены, чтобы покупать продукты для ужина. Вот они стоят, плечом к плечу, в очередях, петляющих и переходящих друг в друга.

Протискиваясь сквозь толпу, я пробираюсь в самый конец, где хранятся украшения, шансы на продажу которых невелики. Вскоре я оказываюсь один на один с рыжими неполноценными отпрысками декораций.

Как будто Марта Стюарт и Рэйчел Рэй проблевались и вот что получилось. Отвратительные и не очень красочные украшения, гирлянды, лампочки и безделушки. Все эти находящиеся здесь люди-мусорщики оглядываются по сторонам, чтобы урвать себе что-нибудь получше.

Хватая все, что можно, наполняю свою тележку, прежде чем решаю, что этого вполне достаточно. Кроме того, до Рождества осталось четыре дня, а потом придет время снова все убрать. Нет смысла прилагать слишком много усилий к тому, что я вывешу, если через несколько дней все это придется снять, чтобы подготовиться к Новому году.

Может быть, в следующем году я смогу постараться немного больше и начать раньше, как это делала моя мама.

Я тянусь за еще одним предметом, но задеваю чужую руку.

— Извини, приятель, — я отступаю назад и жестом показывая незнакомцу, что он может взять это.

— Да, неважно. — Он ворчит, беря с полки уродливое, дерьмовое коричневое украшение. Я нахмурил брови, смущенный тем, что передо мной Скрудж. Прежде чем он успевает уйти, я хватаю тележку и останавливаю его.

— В чем проблема? — рычит он, оценивая меня.

— Твоя отстойная позиция — моя проблема. Я любезно уступил тебе украшение,

которое хотел, а ты даже не поблагодарил меня. Это не очень вежливо с твоей стороны.

Он снова рычит, приближаясь ко мне.

— Отвали, урод. У меня нет...

Я обхватываю его горло рукой, поднимая на два фута в воздух. Его ноги болтаются, а руками он цепляется за мои.

Самодовольная улыбка мелькает на моем лице, когда его глаза расширяются от страха, и он задыхается.

— Это мое, — говорю, швыряя мужика на пол, прежде чем залезть в его тележку и забрать все, что там было. — В следующий раз прояви немного гребаных манер.

Наверное, при необходимости я могу превратиться в настоящего Гринча, но я не слишком хорошо отношусь к людям, которые обращаются с другими как с ничтожествами. Неуважение приведет вас именно туда, где он только что оказался: вас бросят на землю, как кусок дерьма.

Праздники могут быть настоящей занозой в заднице, когда вокруг бродят такие придурки.

Направляясь к выходу из магазина, я беру еще одну бутылку рома и еще немного гоголь-моголя, а затем проверяю свою тележку, чтобы убедиться, что у меня есть все необходимое.

Мне бы не хотелось возвращаться сюда, если что-то забыл, но даже тогда я бы подождал, пока закончится все это безумие. Впрочем, это касается любого магазина в городе.

Хедли

Прошел почти час, прежде чем мне удалось выбраться из магазина. Я стоял в очереди и слушал, как ворчливые покупатели жалуются на то, что нужно открыть больше касс, потому что очень много народу. Я слышал, как матери говорили своим детям вести себя хорошо, иначе Санта не придет к ним домой. Я сокрушался, когда мужья ругали своих жен за то, что они не купили все, что нужно с первого раза.

Находясь в этом магазине сегодня, я контактировал с людьми больше, чем за последние десять лет своей жизни.

Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы бы не закричать на них, требуя заткнуться. Я могу иметь дело с людьми, пока они тихие и в хорошей компании.

Я хихикаю про себя, загружая покупки в багажник своей машины. Как раз, когда укладываю последний пакет, слышу шаги, остановившиеся прямо за мной.

— Я тебя знаю, — говорит женщина, ее голос мягкий и приятный, с намеком на южный говор. Я тяжело сглатываю, прежде чем обернуться, улыбаюсь во весь рот, не зная, кто это — одна из старых подруг моей матери или же незнакомка просто ошиблась.

— Неужели? — спрашиваю ее, поворачиваясь.

И тут слегка замираю, когда вижу, кто это. Мое сердце учащенно бьется, словно я пьянею.

— Ты тот парень, что сидит напротив и наблюдает за мной, пока я работаю в благотворительной организации, — заявляет она, ярко улыбаясь.

Мое сердце, наконец, снова набирает обороты, бешено колотясь, как поезд, несущийся все быстрее и быстрее, чем дальше я смотрю на нее. У меня пересохло во рту, и я уверен, что выгляжу сейчас как долбаный идиот. Вблизи она намного красивее.

Ее лицо бледное, с румяными щеками и миндалевидными глазами. Длинные волосы сегодня заплетены в косички, а ее пухлые губы великолепного красного цвета, резко контрастируют с кремовой кожей.

— Скажешь что-нибудь, красавчик, или просто будешь пялиться на меня? — хихикает она, ее щеки приобретают более темный оттенок красного.

Я качаю головой:

— Мне ужасно жаль. Это было не очень по-джентльменски с моей стороны.

— Не нужно извиняться. Это, наверное, самая лестная реакция, которую я получила от кого-то в этом городе с тех пор, как переехала сюда. — Она протягивает свою маленькую руку в перчатке: — Я Хедли. Я поселилась здесь несколько лет назад и до сих пор не нашла хороших людей, с которыми можно поговорить. Кажется, что здесь больше невоспитанных жителей, чем в Нью-Йорке.

— Клэй, — отвечаю я, беря ее руку в свою. Я подношу ее к губам и целомудренно целую, прежде чем улыбнуться Хедли.

Она снова краснеет.

— Ты кажешься милым. Ты мне нравишься, Клэй.

— Спасибо, — отвечаю я с усмешкой, закрывая багажник и направляя тележку к месту хранения. — Не каждый день я получаю такой комплимент.

— Немного поздновато для украшений? — спрашивает она, постукивая по моей машине, прежде чем прислониться к ней.

Должно быть, она заглянула внутрь, прежде чем я закрыл багажник.

— Да. В этом году я поздно спохватился, наверное.

Хедли поднимает бровь:

— Ты мало говоришь, да? Похоже, ты из тех, кто говорит только тогда, когда с ним разговаривают.

— Хм, — бормочу я, слегка пожимая плечами. — Я не думал, что произвожу такое впечатление. Прости.

— А еще ты много извиняешься, — замечает она, улыбка не сходит с ее губ. — Ты напоминаешь мне моего брата. Он такой же, прямолинейный, как острие ножа. Но он очень милый, когда узнаешь его получше.

— Если быть честным, я просто не очень много общался с людьми в последние несколько лет. Я вроде как отшельник, — признаюсь ей, снова роюсь в кармане в поисках ключей от машины.

Хедли нервно покачивается на ногах, наклоняет голову в сторону, прежде чем снова заговорить.

— Ну, я вижу, ты собираешься уезжать. Мне нужно вернуться к брату, пока он не вышел из себя, потому что я слишком долго отсутствовала. — Она закатывает глаза с девичьей ухмылкой на лице. — Еще увидимся, я уверена.

Я смеюсь над ее словами, потому что она не ошибается. Даже если бы она не остановила меня сегодня, завтра я все равно сидел бы на той же скамейке, как и сегодня утром, до того, как встал и ушел. Я еще раз провожаю ее взглядом, прежде чем она машет рукой и уходит.

— Держу пари, — шепчу я, глядя, как она идет к магазину. До меня не доходит, насколько грубым было мое поведение, пока не становится слишком поздно. Я так торопился сесть в машину, что не успел поговорить с ней ни о чем, кроме общих тем. Но она все равно оставалась милой, несмотря на мои поспешные действия. Небольшая ухмылка появляется на моем лице, когда я вижу, как она поворачивается и оглядывается на меня, прежде чем войти в магазин.

С сердцем, все еще бегущим со скоростью мили в минуту, я сажусь в машину и уезжаю в приподнятом настроении, и все благодаря девушке, которая уже некоторое время держит меня в плену.

3 ДНЯ ДО РОЖДЕСТВА

Омела

Мой дом теперь украшен. Ничего похожего на то, что смогли бы сделать мои мама и папа, но и так неплохо. Я сказал себе вчера вечером, когда вешал красные и зеленые сосульки на елку, что в следующем году обязательно сделаю лучше. Я дал себе обещание начать пораньше, чтобы не возиться с остатками, которые никому не нужны.

Как бы мало украшений здесь ни было, я горжусь собой, и мне хотелось бы верить, что мои родители тоже гордились бы. Я даже повесил веточку омелы на том же месте, где они раньше ее вешали. Полагаю, традиции не умирают, хотя я только сейчас вспоминаю эту. Все, на самом деле.

Когда я проснулся сегодня утром, то решил приложить немного усилий к своему внешнему виду, ведь так близко Рождество. Мне нравится думать, что я неплохо выгляжу: во мне около пяти футов девяти дюймов, у меня развитая мускулатура и несколько татуировок, высокие скулы, бледный цвет лица и льдисто-голубые глаза.

Я люблю правильно себя преподнести и иногда выгляжу элегантно, зачесывая свои черные волосы назад. Сегодня вечером на мне будет белая рубашка с закатанными рукавами, подтяжки и черные брюки. Обычно я ношу джинсы, черную футболку с подтяжками и мои черные ботинки «Мартенс» — отличный образ.

Неопрятный внешний вид может заставить людей поверить в худшее о вас, но следите за своим внешним видом, и они будут есть с вашей руки. Этому я научился в раннем детстве. Хотя и не использую людей в своих интересах, мне нравится знать, что когда придет время, я буду иметь преимущество.

Когда я иду к месту назначения, мои подошвы хрустят по ледяной слякоти на тротуаре. На привычно оживленных улицах пусто. Совсем стемнело, и снег тает, даже не успев упасть на землю.

Дороги скользкие, и не так много людей за рулем, что меня удивляет. Я думал, что сегодня будет так же, как и вчера, — все будет разрываться по швам от снующих туда-сюда людей. Полагаю, они наконец-то купили все свои вещи, которые нужно приобрести в последнюю минуту.

Осталось три дня до того, как хаос утихнет и вернется нормальная жизнь. Работа и учеба выйдут на первый план, а семейное время пройдет и все это будет забыто до следующего дня после Дня благодарения в следующем году.

До своей смерти моя мама всегда говорила, что люди забыли, что значит быть семьей. Они видят идеальный фасад на экране телевизора и думают, что могут иметь все то же самое, не прилагая реальных усилий, которые требуются для создания семьи. Она не ошибалась; но, опять же, я не думаю, что хоть раз она была не права.

Дойдя до скамейки, я достаю тряпку, захваченную с собой, и вытираю влагу, не желая, чтобы моя одежда намокла, когда сяду.

Посмотрев на противоположную сторону, я вижу, что Хедли стоит там с собранными волосами, красными щеками и розовыми губами. Звук ее голоса не выходит у меня из головы с тех пор, как я услышал его вчера; он преследует меня самым лучшим образом.

Если бы я знал, что она такая дружелюбная, наверное, набрался бы смелости и заговорил с ней раньше.

Впрочем, с незнакомцами никогда не знаешь, что получишь.

Они могут быть как милыми, так и полными засранцами.

Плохие или хорошие, думаю я с усмешкой.

Я трясую головой и снова смотрю на Хедли, которая теперь стоит напротив меня с улыбкой на лице и глазами, впившимися в мои, как пиявки. Давление ее взгляда кажется бесконечным.

Пусть она далеко, но ее общество приятно.

Сделав глубокий вдох, я поднимаюсь на ноги и направляюсь к ней. Ее лицо озаряется, когда она замечает, что я действительно делаю шаг, а не просто сижу и смотрю на нее. Чем ближе я подхожу, тем шире становится ее улыбка, и, честно говоря, это немного заразительно.

— Эй, незнакомец! — восклицает Хедли, когда я оказываюсь в пределах слышимости.

— Хедли, — говорю я с улыбкой, беру ее руку в свою и целую еще раз.

— Ты слишком милый, — хихикает она. — Я удивлена, что ты вообще пришел сюда. Я думала, мне придется бегать за тобой сегодня.

— Леди никогда не должна бегать за мужчиной, — парирую я. — Кроме того, я бы не хотел, чтобы ты испортила свою прическу.

Она смеется глубоким, горловым смехом.

— Мои волосы в беспорядке девяносто процентов времени; вряд ли это станет хоть немного заметно.

Я улыбаюсь.

— Вообще-то я не просто так сюда пришел.

— Неужели? — удивляется она, поднимая бровь и бросая в меня тем же словом, которое я использовал вчера в ее адрес.

— Я знаю, что ответ, скорее всего, будет «нет», но все равно хочу спросить. Завтра на моей работе вечеринка в честь Рождества, и я... я не хочу снова идти один, — говорю ей, пытаюсь склонить в свою пользу с помощью жалостливо-сексуального тона.

Хедли на секунду прикусывает нижнюю губу, как будто обдумывает услышанное. Она хлопает в ладоши, прежде чем ответить.

— Знаешь, у моего брата в любом случае свидание, а мои родители за тысячи миль отсюда, никто не будет скучать по мне пару часов. Я бы с удовольствием пошла.

Я резко вдыхаю и широко улыбаюсь, совершенно потрясенный ее ответом. Это делает все намного лучше.

— Ты только что сделала меня самым счастливым человеком на Земле, Хедли!

— У меня есть одно условие, Клэй, — Хедли скрестила руки на груди, — ты должен по-настоящему разговаривать со мной! Мне нравится знать, с кем я встречаюсь. Договорились?

— Договорились.

— Хорошо, — говорит она, наклоняясь и доставая из сумки ручку и скомканный лист

бумаги. Я смотрю, как она что-то пишет, а потом бросает ручку в открытую сумку. — Вот. Напиши мне, когда вернешься домой, и я скину тебе свой адрес.

Смотрю на бумагу, которую она вложила мне в руку, и вижу ее имя, написанное изящным почерком, и номер мобильного телефона прямо под ним.

Когда я поднимаю глаза, чтобы сказать, что напишу ей сообщение, то замечаю, что внимание Хедли перехватил другой человек. Судя по всему, это кто-то, кто хочет сделать пожертвование, но не красной консервной банке, раскачивающейся в холодном воздухе.

Хедли оглядывается на меня и машет рукой. Я киваю один раз, прежде чем исчезнуть за углом и вернуться домой, чтобы согреться.

Мне многое нужно успеть сделать до наступления завтрашнего дня.

КАНУН РОЖДЕСТВА

Список желаний

Ром и гоголь-моголь плещутся в моем бокале, когда я кручу его по кругу, позволяя жидкостям мирно слиться воедино в восхитительный напиток. Я сижу в старом отцовском кресле и просматриваю тот самый список, который пишу каждый год в начале декабря.

Дорогой Санта,

Понимаю, что уже слишком взрослый, чтобы просить у тебя подарки, но я давно присматриваюсь к чему-то особенному. К чему-то такому близкому, но в то же время недоступному.

Я не прошу многого, но это... это то, что я хотел бы увидеть под своей елкой, когда снежным рождественским утром взойдет солнце. На самом деле, это единственное, о чем я прошу тебя из года в год.

Я был милым, я вел себя хорошо, и если ты проверишь свой список, то увидишь, что это чистая правда. Но хочу, чтобы ты знал: если не сможешь исполнить мое желание на этот раз, я сделаю все сам.

Искренне, Я.

Я рассмеялся, отложив письмо, и сделал большой глоток своего напитка. Конец письма меня всегда веселит, потому что мне уже приходилось брать дело в свои руки, когда он не выполнял свои обязанности.

Удивлюсь, если в этом году все будет по-другому, но все равно хочу верить, на случай, если он решит справиться в один из этих годов, прежде чем я умру и уйду.

Я снова опускаю взгляд на бумагу и ногой подталкиваю ее в костер, горящий рядом со мной. Она тут же загорается, и вскоре в воздух взлетает пепел. Это как последнее прощание перед исчезновением.

Не думаю, что он мне еще понадобится, ведь я уже получил то, что хотел. Уверен, что в следующем году окажусь на том же месте и напишу новый список желаний в надежде, что мне не придется делать грязную работу, чтобы получить то, что я просил.

Допив остатки своего коктейля, я поднимаюсь на ноги и иду к своей комнате, чтобы подготовиться к сегодняшнему вечеру. Хедли написала мне свой адрес вскоре после того, как я отправил ей сообщение, вернувшись вчера домой. Сейчас только три, но я обещал заехать за ней около пяти. Похоже, она очень хочет погулять со мной, и, честно говоря, я рад этому.

Это делает ее абсолютно идеальной.

Забывчивый

Я жду перед темной деревянной дверью, пока Хедли ее откроет. Несколько секунд назад я постучал и услышал, как она крикнула, что идет. Прохладный воздух щиплет мою теплую кожу, пытаюсь заморозить каждый маленький кусочек открытой плоти. Я дую на руки, пытаюсь согреть их. Нынешняя погода похоже пытается убить в прямом, а не переносном смысле.

Вскоре Хедли открывает дверь и выходит. Вокруг меня разносится запах корицы и ванили, и я глубоко вдыхаю его. Запах восхитительный. Я закрываю глаза, испуская тихий вздох и внутренне застонав. Она совершенна. Слишком совершенна, прямо скажем.

— Извини за ожидание. Я не могла найти свои ключи. — говорит она, закрывая за собой дверь. — О, боже, ты выглядишь настолько хорошо, что тебя хочется съесть. Наверняка все дамы на работе хотят откусить от тебя кусочек, а?

Мои щеки пылают от ее комплимента.

— Возможно, ты единственная, кто проявляет интерес, — отвечаю я.

Я ненадолго задерживаюсь, чтобы рассмотреть Хедли. Она выглядит совершенно иначе, чем когда я обычно ее вижу. Ее темные локоны уложены и доведены до совершенства. Миндалевидные глаза окрашены в нюдовые коричневые тона, их обрамляет подводка. Сочные губы накрашены карамельного цвета помадой с тонким слоем блеска, что придает им дополнительный шик. На ней вязаный белый свитер, рваные джинсы, высокие сапоги и пальто длиной до колена.

— Знаю, сегодня я немного перестаралась со своим внешним видом, но ты точно можешь пялиться на девушку, — говорит Хедли, ее щеки приобретают оттенок красного, но не от холода, лижущего ее кожу.

— Прости, просто ты выглядишь... ты выглядишь потрясающе, Хедли, — говорю ей, делая свой лучший комплимент.

— Прекрати, — хмыкает она, пряча свою хитрую улыбку шарфом.

— Готова? — спрашиваю я, протягивая руку, чтобы проводить ее к своей машине.

Переплетая свою руку с моей, она кивает.

— Готова.

Мы идем к моей машине, ее близость почти ослепляет меня и заставляет замолчать. Я не привык к такому, но думаю, что к этому можно быстро привыкнуть. Она высвобождает свою руку из моей, когда я открываю ее дверь.

Обойдя машину, я роюсь в заднем кармане, чтобы достать ключи. И тут понимаю, что забыл дома кое-что важное. Садясь в машину со стороны водителя, я смотрю на Хедли.

— Ты не поверишь, но я... прости, но мы должны быстро заехать ко мне домой. Я забыл свой бумажник, а я никогда не выхожу из дома без него. Не против, если мы заскочим ко мне, прежде чем поедem, и я смогу его взять? Это не займет много времени.

— Конечно, нет, глупый. Я тоже никогда не выхожу из дома без бумажника. В нем вся моя жизнь. — Хедли похлопывает по сумке, притягивая ее плотнее к телу.

— Ты — куколка.

Еще один горловой смех вырывается из ее уст:

— У тебя самые дурацкие комплименты на свете.

— Ты ведь хотела, чтобы я больше говорил? Тебе придется привыкнуть к ним.

— Думаю, я смогу это сделать. С тобой легко болтать. Не многие люди такие. Ты должен использовать это в своих интересах, особенно на работе. Если бы ты так делал, то, наверное, стал бы владельцем этого места.

Я хихикаю, ее приятный южный говор оживляет мой в целом унылый и тихий автомобиль. Отъехав от обочины, я направился к своему дому. Хедли достает свой телефон, а затем смотрит на меня.

— Я просто сообщаю брату, чтобы он воспользовался своим ключом, когда вернется домой.

— Тебе не нужно объяснять.

— Нет, нужно. Не хочу, чтобы ты думал, что я какая-то пустышка, которая весь вечер пялится в свой телефон. Хотя обычно именно этим я и занимаюсь, когда остаюсь одна, — смеется она.

Короткая поездка до моего дома сопровождается ответами на все вопросы, которые Хедли задает мне. Я изо всех сил стараюсь свести свои ответы к минимуму, но достаточно пространно, чтобы она осталась довольна. Я забыл, как утомительно бывает находиться в компании. Она спрашивает меня о местах, которые я посетил, о семье, о том, что люблю. Все, что может придумать ее драгоценный маленький мозг, она выплескивает и ждет моего ответа.

Как раз, когда она собирается задать мне очередной вопрос, мы подъезжаем к моему дому.

— Если хочешь зайти, пока я буду искать, пожалуйста. На улице холодно, и прошло не так много времени с тех пор, как я погасил камин, так что там все еще хорошо и тепло, — говорю ей, ожидая ответа, прежде чем заглушить машину.

— Я бы ни за что не пропустила твои украшения в последнюю минуту. Хочу посмотреть, что ты сотворил в такой короткий срок!

Я кладу руку на сердце, изображая обиду.

— Ай, это глубоко ранит. Ты очень язвительная. Я буду иметь это в виду. — Я подмигиваю ей, прежде чем выйти из машины и обогнуть ее.

Открыв дверь, я отхожу в сторону и позволяю Хедли взять инициативу в свои руки, прежде чем догнать ее.

Как только мы добегаем до входной двери, я быстро отпираю ее, чтобы мы могли войти внутрь, пока не замерзли. Чем темнее становится на улице, тем холоднее, как мне кажется.

— Чувствуйте себя как дома, я быстро.

Я бегу по коридору и захожу в свою комнату, делая вид, что хочу взять то, что «забыл». Я точно знаю, где он лежит, потому что специально оставил его там.

Взяв то, что мне действительно нужно, я улыбаюсь, а в животе роятся бабочки.

Я готов произвести впечатление на Хедли.

Костюм

Хедли так увлеклась моими последними поделками, что не заметила, как я оказался в темном коридоре, ведущем к моей спальне. И вот я смотрю, как она рассматривает все, что мне удалось соорудить.

Я хочу спросить, что она думает, но через несколько минут — это будет неважно. Все, что будет иметь значение, это то, что она официально принадлежит мне.

Я жду еще несколько секунд, прежде чем выйти в тускло освещенную гостиную. Звяканье моего ремня привлекает ее внимание. Горловой смех возвращается, когда она наконец-то меня замечает.

— Что на тебе надето? — недоуменно спрашивает Хедли, пытаясь подавить хихиканье. — Подожди! Только не говори мне, что это костюмированная рождественская вечеринка в офисе?!

Я качаю головой, медленно продвигаясь к ней. Ее улыбка немного слабеет, но она все еще кажется позабавленной.

— Это какой-то странный праздничный косплей?

Я снова качаю головой в знак отрицания. На этот раз она понимает, что что-то не так.

— Что происходит, Клэй? Ты начинаешь меня пугать.

— Я каждый год просил одно и то же, Хедли. И каждый год Санта подводил меня. Оставляя с пустым чулком и без подарка на елке. А потом ты без труда свалилась мне в руки, и он как будто наконец-то ответил на все мои рождественские желания.

— О чем ты говоришь? — заикается она, ее улыбка тает, как снег на улице. — Клэй, Санта не настоящий. Это просто маленькая белая ложь, которую родители рассказывают своим детям. — Она пытается подобрать слова.

— Вот тут ты ошибаешься, моя милая Хедли, — шепчу я, подходя к ней еще ближе.

Хедли почти прижата к стене, моя огромная фигура возвышается над ней, и моей гостье некуда деваться, а я уже запер дверь, чтобы она не смогла убежать.

— Я верю в Санту, даже больше теперь, когда ты здесь, со мной. Понимаешь, ты именно то, о чем я просил. Больше ничего, Хедли, только ты.

Сладкий запах ее страха, смешанный с корицей и ванилью, кружит вокруг меня. Ее трепещущее тело так близко к моему, что заставляет меня дрожать от едва сдерживаемого возбуждения. Я так долго ждал этого момента.

— У меня есть кое-что для тебя. Хочешь посмотреть? — шепчу я ей на ухо. Потянувшись вверх, я откидываю часть ее волос за спину, ощущение ее кожи на кончиках моих пальцев вызывает новую волну возбуждения во мне.

Хедли яростно трясет головой, отворачивая свое лицо в сторону от моего.

— Отпусти меня, — говорит она, ее голос срывается.

— Я не могу этого сделать, Хедли. У меня есть столько всего интересного для нас. — Я

ярко улыбаюсь за белой бородой.

Я подумал, что она оценит меня больше, если буду одет. Красный костюм, колпак и пояс, в комплекте с сапогами и бородой. Я выгляжу и чувствую себя как сам Крис Крингл.

Провожу пальцами по прядям волос, которые вьются вокруг ее лица. Слезы текут по ее покрасневшим щекам. Она покраснелась от страха, и вполне заслуженно.

— Ты будешь так красиво смотреться под моей елкой сегодня вечером.

Прежде чем она успевает ответить, я крепко хватаю ее за волосы. И бью ее головой о стену, пока тело Хедли не обмякает, и она не сползает на пол.

Ее хрупкая фигурка лежит у моих ног, на затылке — ужасная рана. Будет больно, когда она очнется. К счастью для нее, рана на черепе будет наименьшей из ее проблем. Сделав шаг назад, я стягиваю бороду, чтобы она свободно болталась на шее.

Пора приниматься за работу, думаю я про себя.

Проходя на кухню, беру стул из столовой и несколько гирлянд, которые оставил на обеденном столе. Не знаю, что меня сейчас больше радует: то, как красиво Хедли будет выглядеть к концу, или то, как великолепно она будет выглядеть связанной со светящимися огоньками вокруг.

Как бы там ни было, я просто в восторге от того, что она наконец-то появилась в моем доме.

Каждая из них отличается друг от друга, но Хедли уже стала моей любимицей, и ее оказалось легче всего заманить в ловушку.

Хотя мне нравится время от времени бросать вызов, я предпочитаю легкую добычу. Такие девушки более покладистые и спокойные.

— Ладно, Хедли, давай тебя подготовим.

Хлопнув в ладоши, я наклоняюсь, взваливаю ее на плечо и приступаю к работе.

Молоко и печенье

— Санта Клаус едет в город. Санта Клаус едет в город...

Радостная музыка играет, когда я заканчиваю завязывать последнюю нить огней вокруг ее лодыжек. Хедли все еще без сознания, я бы сказал, что ей холодно, но с работающим камином здесь тепло. Думаю, камин — одна из моих любимых вещей в этом доме. Здесь я оставлял молоко и печенье, в детстве. Надо будет сделать это и в нынешнем году.

Заглянув на кухню, я достаю тарелку и наполняю ее вкусным печеньем: сахарным, шоколадным и с изюмом и корицей. Уверен, что Хедли понравится шоколадное. Затем я наливаю два стакана молока, один для себя, другой для Хедли.

Вернувшись в гостиную, я ставлю тарелку и стаканы у камина и притягиваю Хедли ближе к себе. Она легкая и очень простая в обращении, как тряпичные куклы, с которыми играют малыши. Я уллучаю момент, чтобы полюбоваться ею.

Попав сюда, она выглядела такой ухоженной. Теперь ее волосы дикие и непокорные, макияж размазан и запачкан кровью. Она выглядит... чертовски красивой. Я выпускаю тяжелый вздох, наклоняюсь вперед и пальцем убираю с лица несколько прядей волос.

— Эй, Хедли, — напеваю я, — Пора просыпаться, милая.

Ее голова поворачивается в сторону, но она не просыпается. Протягиваю руку и беру молоко, которое я налил для нее, и несколько печений. Кладу печенье на ногу, а затем свободной рукой открываю ей рот. Поднеся стакан с молоком к ее губам, я медленно вливаю его.

Хедли делает глубокий вдох, затем захлебывается, и молоко выплескивается наружу. Схватив печенье, я засовываю его ей в рот и закрываю его рукой, слушая приглушенные всхлипы и кашель, когда она захлебывается крошками печенья и молоком. Через минуту я убираю руку.

Хедли наклоняется вперед изо всех сил, выплевывая содержимое изо рта на пол и мои ботинки. Испуганный крик, который она издает, пугает меня, но вокруг нет никого, кто мог бы ее услышать. Дейды каждый год уезжают в круиз, и дом слева от моего вот уже несколько лет стоит пустым.

Я с умилением наблюдаю, как она кричит, извиваясь всем телом в слабой попытке вырваться. Оттенки мерцающих огней, окутывающих ее, делают Хедли похожей на ангела. Должен сказать, чем дольше мы с ней возимся, тем красивее она становится.

Схватив еще несколько печений, я кладу их себе на ногу, затем наклоняюсь вперед и хватаю в кулак ее волосы. Хедли борется со мной, но я оттягиваю ее голову назад настолько, чтобы она не корчилась, чуть не свернув при этом шею. Ее рот слегка приоткрыт, и я использую это в своих интересах и засовываю печенье ей в горло, а затем наливаю внутрь еще молока. Поскольку ее голова по-прежнему наклонена, я закрываю ей рот рукой и смотрю, как она судорожно пытается дышать. Ее глаза расширяются, и слезы свободно

катятся по ее лицу.

В тот момент, когда ее тело начинает напрягаться, я отпускаю ее. От резкого вдоха, который Хедли делает, когда ее голова падает вперед и она захлебывается воздухом, у меня начинает болеть горло.

— Бедняжка, — говорю я.

— Почему? — хнычет она, ее голос хрипит.

Я наклоняюсь вперед, пока наши носы не соприкасаются, и ее пьянящий аромат вторгается в мое пространство.

— Потому что я хороший мальчик, а хорошие мальчики получают на Рождество то, что хотят.

Оригинальный подарок

Я решил дать Хедли немного времени, чтобы перегруппироваться. До сих пор она держалась молодцом, и думаю, заслужила это. Я сижу в отцовском кресле и собираю то, что, уверен, понравится ей так же, как и мне. Я подумал об этом вчера вечером, когда спускал костюм с чердака.

— Знаешь, мне казалось, у тебя есть одно условие для этого свидания. Ты хотела, чтобы я перестал быть таким тихим и немногословным. В машине ты задавала столько вопросов, может и сейчас задашь. Я чувствую себя довольно словоохотливым.

Она игнорирует мою просьбу, сидит неподвижно и смотрит на меня. Если бы взглядом можно было убивать, я бы уже скончался.

— Как жаль, что тебе нечего сказать. Ты хорошо себя чувствуешь? Хочешь еще молока? — предлагаю я, протягивая ей почти пустой стакан.

Она качает головой и плотно сжимает рот, отводя голову как можно дальше от меня. Я пожимаю плечами, ставя стакан на место.

— Твоя потеря.

Хедли прочищает горло, и это действие явно причиняет ей боль, судя по выражению ее лица.

— Можно... можно мне уйти? Пожалуйста?

Я смотрю на нее, мои брови нахмурены.

— Почему ты хочешь уйти?

Хныканье Хедли становится громче:

— Я просто хочу уйти... уйти домой.

Склонившись вперед в кресле, я кладу руку на ее ногу. Горячая волна пробегает по моей руке и по всему телу. Ммм, она так восхитительна в моей хватке. Я глубоко вздыхаю.

— Я еще не закончил. Когда закончу, то отпущу тебя. Если, конечно, от тебя что-то останется, — ухмыляюсь я, откидываясь в кресле. Ее лицо бледнеет, и она снова начинает плакать.

После нескольких минут игры в рукоделие я смотрю на изделие, которое только что сделал. Это стеклянное украшение с гирляндой, обвязанной вокруг него, чтобы сделать импровизированный кляп. Я горжусь своей поделкой.

Поднимаю его вверх, отблески огня и огней мерцают на маленьком блестящем шарике, когда он висит в воздухе.

— Тебе нравится? — спрашиваю Хедли, держа его так, чтобы она могла видеть.

Она открывает рот, чтобы запротестовать, но я использую это как возможность поместить шарик ей в рот.

— Это тонкое стекло, и если ты слишком сильно прикусишь, оно сломается у тебя во рту. Представь, какую боль это причинит.

С этим предупреждением Хедли замирает. Единственное движение, исходящее от нее, — это раздувание ноздрей и едва заметное движение век, когда она плотно закрывает глаза. Ее грудь постоянно поднимается и опускается, поражая меня тем, как быстро она смогла успокоиться. Хотя через несколько секунд, я не думаю, что она сможет сохранить это спокойствие.

— Сиди тихо, красавица.

Поднявшись на ноги, я вальсирую на кухню и открываю дверь, ведущую в гараж. Если я правильно помню, отец хранил то, что мне нужно, где-то в правом углу возле металлического шкафа.

Копаясь в темноте, я начинаю нервничать, когда наконец нахожу то, что нужно. Подняв, я смотрю на него с диким блеском в глазах и злобной улыбкой на лице. Пожалуй, оно усилит ужас, который уже испытывает Хедли.

Когда я возвращаюсь в дом, то напеваю мелодию, звучащую у меня в голове. Рождественская мелодия, которую играла моя мама, пока пекла печенье, а отец рубил дрова. Я практически слышу и чувствую запах воспоминаний. Удивительно, как одна мысль может заставить все ваши чувства воспрянуть.

— Я вернулся, — напеваю я.

Хедли все еще на том же месте, где я ее оставил.

— Должен сказать, что как бы ты ни умиляла меня, стоя на углу со своими пышными кудряшками и звенящими колокольчиками, сейчас, думаю, ты выглядишь еще прекраснее.

Слезы продолжают катиться по ее лицу, сопли стекают из носа на губы, пока она дышит, стараясь изо всех сил не давить на украшение.

Отложив инструмент, я снова сажусь в кресло, глядя в ее блестящие глаза. Мне кажется, что если я буду смотреть достаточно долго, то смогу утонуть в их глубине. Выпустив довольный вздох, я улыбаюсь Хедли.

— Когда я был ребенком, то садился на кухне и смотрел, как мама печет печенье, — задумчиво говорю я ей, откусывая кусочек от купленного в магазине печенья, которое не идет ни в какое сравнение с маминым. — Запах разносился по всему дому и даже на улицу, и тогда папа приходил с дровами.

Хедли смотрит на предмет, который я положил, и на ее лице появляется дерзкое выражение. Мне интересно, неужели она правда верит, что сможет освободиться и выбраться отсюда. Я провожу пальцами по ручке, отчего ее глаза устремляются на меня. Зловещая улыбка расплывается по моему лицу.

— Суть моего рассказа в том, что этот маленький инструмент использовал мой отец, когда рубил дрова, и теперь думаю, я вполне взрослый, чтобы самому им воспользоваться.

Мой взгляд скользит по ее телу к середине, затем вниз к ногам. Я даже не знаю, с чего начать, но уверен, что мои инстинкты сработают, как только начну.

В моей голове появляется остроумная идея, и я решаю сделать кое-что для Хедли, пока все это не закончилось.

Встав, я обхожу кресло и отвязываю среднюю нить светильника, которая удерживает ее, и ставлю на ноги. Она слегка покачивается.

— Я собираюсь перекинуть тебя через плечо; любые крики, резкие движения или попытки убежать не только разобьют стекло, но и убьют тебя гораздо быстрее, чем то, что я задумал.

Грудь Хедли вздымается, когда она начинает всхлипывать от моих слов. Я не собираюсь

ранить ее чувства, только ее тело. Именно этих слез я жду больше всего.

Багровый снег

Удивительно, но Хедли оставалась неподвижной, пока мы шли к задней двери, чтобы выйти на улицу. На самом деле, я удивлен, что она оказалась такой послушной. Хотя у нее действительно нет выбора. Если она хочет сохранить свой маленький красивый ротик целым, то ей лучше оставаться неподвижной и подчиняться моим указаниям. Я осторожно опускаю ее на стул снаружи и сажусь перед ней на корточки. Она всхлипывает, но это не вызывает у меня никаких эмоций.

— Я подумал, что мы можем немного поиграть в снегу, пока солнце еще не зашло. У нас есть пять или шесть минут до того, как полностью стемнеет, и тогда нам придется вернуться в дом, — тихо говорю ей.

Поднявшись, я вдохнул полной грудью холодный воздух. Заднее крыльцо всегда вызывало у меня восторг в зимнее время. С самодельным кострищем, горящим прямо у края, мы жарили зефир и пили горячее какао, пока мои папа и мама пели. Они всегда сбивались с ритма, но все равно получалось весело.

Я не могу вспомнить Рождество без этих моментов. Я вздыхаю, чувствуя небольшую боль в груди при воспоминании о хороших временах. Я скучаю по родителям, особенно во время праздников, потому что у меня нет другой семьи. По крайней мере, я об этом не знаю. Мои родители жили уединенно, что, в свою очередь, сделало меня таким же.

Звук чего-то упавшего на землю привлекает мое внимание. Видимо, я настолько погрузился в свои мысли, что забыл о том, что Хедли здесь.

— Извини за это, — говорю я с улыбкой, и мягкий смешок вырывается с моих губ.

Когда я оглядываюсь, то вижу, что ножницы для живой изгороди лежат на земле рядом с ней.

Я наклоняю голову. Сузив глаза, я пристально смотрю на нее.

— Итак, Хедли. Я надеюсь, ты не пыталась добраться до них?

Она злобно качает головой. Я думаю, она пытается убедить нас обоих, переборщив с ответом. Сделав глубокий вдох, я закрываю глаза.

— Знаешь, что? Какой лучший подарок я могу предложить тебе, нежели простить и забыть, а?

Поднимая Хедли на ноги, я держу ее крепко, ее глаза блестят в тусклом свете луны. Я улыбаюсь ей, крепко держа ее за плечи, прежде чем поднять и мягко бросить в снег глубиной в два фута на заднем дворе.

С сильным стуком и громким вскриком она ударяется о мягкий снег. Украшение разбивается от удара.

Хедли глубоко вдыхает, и я уверен, что осколки разбитого стекла залетают ей в горло. Она жестко кашляет, и вскоре раздается болезненный вопль.

Я прыгаю в снег ногами вперед, прямо рядом с Хедли, напугав ее. Она откатывается от

меня, капли крови окрашивают белый снег в ярко-красный цвет. Стекло, слезы и кровь пачкают идеальные слои льда под ней. Холодные мокрые хлопья впиваются в ткань костюма Санты. Замерзающая жидкость пропитывает ткань до самой моей кожи, охлаждая ее.

Я могу похоронить нас обоих заживо в снегу и умру счастливым человеком.

— Не хочешь сделать снежного ангела? — спрашиваю я, глядя на Хедли. Она корчится на снегу, и с ее губ льются сладкие стоны боли. Я тяжело вздыхаю, немного разочарованный.

Я думал, это будет хорошей идеей.

Думал, что она полюбит снег так же, как и я.

Похоже, я ошибся.

Красное Рождество

Хедли вернулась в кресло, разноцветные гирлянды, обвязанные вокруг талии, снова удерживают ее. Несколько из них подгорели, когда я снова включила их в розетку. Видимо, вилка намочла, когда она каталась по снегу. Я не ожидал, что ее ударит током, но это стало приятным сюрпризом для нас обоих.

Слегка покачиваясь взад-вперед в кресле, я наблюдаю за Хедли, пока ее голова болтается из стороны в сторону. После того, как она ударилась головой о стену, была напоена молоком и печеньем, разбила стеклянное украшение и пережила удар током, Хедли на последнем издыхании. Но она оказалась таким чертовски стойким солдатом, продержавшись дольше, чем я думал. Я знал, что она понравилась мне не просто так.

Я перестаю качаться, когда слышу, как Хедли что-то бормочет. Наклонившись вперед, я приближаюсь к ее лицу, чтобы лучше слышать.

— Что такое, дорогая?

— Ты можешь... сказать... моему брату... что я люблю его? — говорит она между прерывистыми вдохами.

Проводя пальцами по ее лицу, я убираю несколько прядей слипшихся от крови волос, чтобы увидеть ее идеальные глаза.

— Прости меня, красавица. Ты знаешь, что я не могу этого сделать.

Удовлетворенный вздох вырывается из меня. Пришло время. Я думаю, она наконец-то смирилась с тем, что не уйдет отсюда живой. Я чувствую себя немного виноватым, что не позволил ей сказать несколько последних слов брату, но не хочу рисковать быть пойманным. Впереди еще слишком много рождественских праздников, чтобы я мог ими насладиться.

— Ты была милой, Хедли. Ты мне очень нравилась. Мне не хочется, чтобы это заканчивалось, но все когда-нибудь кончается, — сладко шепчу я ей, протягивая руку и беря то, что положил сюда не так давно.

Поднявшись на ноги, я обхожу ее стул и хватаюсь за спинку, отступая назад и опуская его, чтобы она легла на пол. Она изумленно вскидывает брови, когда ее ошарашенный взгляд фокусируется на мне. Глядя на нее сверху вниз, я улыбаюсь, поднося ржавый металл топора к краю ее лица.

Я провожу им по ее коже, по волосам, а затем по животу, огибая ее, пока не оказываюсь у ног. Хедли извивается, но безрезультатно. Она никуда не денется.

— Ты сбиваешь меня с толку, Хедли. Но я очень, очень рад, что смог поиграть с тобой в это Рождество.

Сделав глубокий вдох, я поднимаю топор над головой. Крики Хедли становятся неразборчивыми, и кровь капает с ее губ. М-м-м, вот чего я ждал.

Открыв глаза, я бросаю последний взгляд на свой живой подарок, прежде чем с размаху опустить тяжелое металлическое лезвие на ее грудь.

Она задыхается, не в силах больше кричать. Ее грудь дергается, когда я выдергиваю лезвие, липкая красная жидкость вытекает из зияющей раны. Медный запах ударяет мне в нос, и я тихо стону.

Да.

Я снова поднимаю топор, опускаю его на ее живот, затем снова на грудь, а затем перехожу к ногам и ступням.

К тому времени, когда я выдохся, каждый сантиметр ее тела уже имел удовольствие встретиться с острым концом топора. Глаза Хедли, не мигая, смотрят в потолок, лишённые жизни. На моем ковре вокруг ее тела лужа крови.

Бросив топор, я падаю на колени, склоняясь над ней.

Положив руки по обе стороны от ее головы, я смотрю на ее фарфоровое лицо. Я действительно верю, что мои мать и отец гордились бы мной.

РОЖДЕСТВО

Зима на долгую память

Уже немного за полночь. В моем доме тихо, горит огонь, и Хедли мирно лежит рядом со мной.

Я отвязал провода и положил ее рядом с собой, ее руки раскинуты в стороны, словно она ангел, готовый покинуть эту землю и отправиться в обратный путь домой, где бы он ни находился.

Я собирался завернуть ее в бумагу и украсить бантом, прежде чем положить под елку, чтобы открыть утром, но передумал. Я хочу, чтобы она осталась такой, какая она есть сейчас. Радость будет намного больше, когда я проснусь утром и увижу, что она здесь.

Я зеваю. Уже почти пора спать. Осталось сделать последнее дело, прежде чем я засну.

Подойдя к Хедли, я хватаю ее за лодыжки и тащу к елке. Сосульки сверкают со всех сторон, а гирлянда висит идеально. Я очень жалею, что не сделал этого раньше; это действительно поднимает мне настроение.

Как только Хедли оказывается на месте, я делаю шаг назад и улыбаюсь, безмятежное спокойствие омывает меня.

Все выглядит так, как я и представлял. Потрясающе.

Проведя окровавленными руками по волосам, я вздыхаю. Сегодняшний вечер прошел слишком быстро, но запомнится мне на всю жизнь, и завтра, когда я навещу могилу родителей, то расскажу им все подробности. Хочу, чтобы они знали, теперь я буду продолжать их рождественскую традицию.

....